

А. Г. Киселев

Среди книг... Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья: в трудах йошкар-олинских ученых (на материалах научно-практической конференции: 2008. – 399 с.; 2009. – 403 с.; 2012. – 220 с.; 2014. – 383 с.)

A. G. Kiselev

Among books... Problems of revitalization of traditional culture of the people of Volga-Kama in works of the Yoshkar-Ola scientists (on materials of scientifically-practical conference: 2008. – 399 p.; 2009. – 403 p.; 2012. – 220 p.; 2014. – 383 p.)

Сборник материалов Йошкар-Олинской Международной научно-практической конференции 2007 г., изданный Марийском университетом в 2008 г., положил начало интересной серии публикаций, объединённых мотивами ревитализации традиционных культур народов Волго-Камья, прежде всего, «восточных финнов» [1–4].

Наряду с известным ежегодным Петербургским сборником «Реальность этноса», названная серия позволяет всесторонне представить круг актуальных для современной финно-угорской культуры проблем и в какой-то мере судить о состоянии их изученности.

В настоящем обзоре мы попытаемся познакомить читателя с основными идеями коллег – историков, философов, культурологов, педагогов – участников Йошкар-Олинских конференций 2007, 2008, 2012 и 2013 гг. Сразу оговоримся: наш обзор, строго говоря, не является вполне реферативным, отбор материалов субъективен, а текст – не рецензия, а скорее читательские соображения. В истории и культуре «волжских финнов» мы обратили внимание, прежде всего, на то, что интересует и обских угров, переключается с нашими северными проблемами.

В центре внимания участников конференций оказалась тема возрождения, выживания традиционной культуры народа мари и/или проблема сохранения этнического

идентитета в условиях развития глобализационных процессов. Проблема, понятно, отнюдь не только марийская и даже не только финно-угорская. Её общероссийский характер убедительно представила, в частности, педагог Г. И. Фазылзянова [1, 108–109].

«Задал тему» мэтр марийской историографии Ксенофонт Николаевич Сануков, отметивший низкий уровень сопротивляемости финно-угорских народов Волго-Камья внешнему инонациональному влиянию. Этнические элиты, призванные помочь, организовать национально-культурное возрождение, оказались не в состоянии преодолеть сопротивление негативной силы инерции и российской государственной машины. Да и сами элиты (здесь К. Н. Сануков согласился с Рафаэлем Хакимовым) часто демонстрируют не лучшие качества, погружены в интеллигентские дразги, падки на деньги и т. п.

Всё это вкупе с особенностями национального идентитета волжских финнов, которому свойственны представления о «второсортности» родного языка и культуры, является благодатной почвой для «успехов» глобализации, оборотной стороной которой выступает деэтнизация [1, 15–16].

Сходные идеи высказала и педагог С. Н. Фёдорова, отметившая маргинализацию «в этническом смысле» значительной

части марийской молодёжи, формирующийся комплекс неполноценности и «негативной этнической идентичности», а также распространение имморализма и антигуманизма, свойственного современной глобализации [1, 19].

Фактически, в докладах К. Н. Санукова и С. Н. Фёдоровой сформулирована общепризнанная на сегодняшний день позиция марийских гуманитариев, что находит подтверждение и в трудах других авторов.

Философские основы кризиса идентичности личности, методологически хорошо «вяжущегося» с кризисом этнического идентитета, через анализ положения художника в современном мире представила философ Т. Ю. Гордеева [1, 11–14], историко-философское обоснование особенностей этнической ментальности народа мари – коллега Гордеевой В. Ю. Семёнов. Учёный охарактеризовал крупные кризисы в истории и культуре мари, связанные с разгромом Казанского ханства второй половины XVI столетия, буржуазной перестройкой России в середине XIX в. и советскими преобразованиями. Главным результатом этих кризисов, по мнению В. Ю. Семёнова, разделяемого, по всей видимости, и другими специалистами, стала утрата восточно-финскими народами роли субъекта истории, что отразилось на их национальной ментальности [1, 56].

«Синтетические» суждения и выводы историков, философов, педагогов подкрепляются социологической «аналитикой». В докладе культуролога Г. Е. Шкалиной о национальной идентичности в Марий Эл, построенном на материалах социологического обследования 2007 г., наряду с растущим интересом к этнической культуре, отмечалось критическое отношение респондентов-мари к проблеме родного языка, национальной политике [2, 52].

О негативном влиянии миграционной политики на культурную ситуацию в регионе писала историк Г. В. Рокина, констатирующая отток части местного населения в экономически более развитые регионы страны, и приток иммигрантов из ближнего зарубежья, совершенно не связанных с местным населением и его культурой [2, 19].

О трудностях и проблемах на пути развития этнической культуры говорили и многие другие участники конференций. Может быть, наиболее сильно высказался по этому поводу В. Ю. Семёнов, заявивший о грозящей необратимости разрушительных процессов и возможном «этническом коллапсе» восточных финнов [1, 58].

Тема актуальности традиционной культуры появилась в научных кругах во многом как ответ на вызов глобализационным переменам. При этом выбранный организаторами конференций/редакторами сборников термин «ревитализация» нигде специально не разбирался, не пояснялся, хотя бы кратко. В философских словарях и энциклопедиях его нет. Но есть известный термин «витализм», обозначающий направление в биологии, основным концептом которого является «жизненная сила».

Из контекста Йошкар-Олинских сборников ясно, что под ревитализацией обычно понимают не возрождение традиционной культуры в полном смысле этого слова, а придание ей нового «жизненного духа», конструирование новой идентичности, основанной на традиции или «декорированной» ею. Встречается и трактовка, акцентированная на её изучении и усвоении [3, 46–48].

Понятно, что ключевым для понятия «ревитализация» является понятие «традиции». Большая группа участников конференции посвятила свои доклады именно освещению разнообразных аспектов традиционной культуры народа мари.

Хочется предложить специалистам-этнографам познакомиться с докладами Д. А. Байдимирова и С. А. Малининой о семантике артефактов материальной культуры [1, 85–87; 3, 78–82; 4, 285–290], В. Г. Кудрявцева о культовых местах мари [3, 63–78], Г. Н. Кадыковой о традиционной агрикультуре и ремеслах [1, 87–91; 2, 65–68], Т. В. Куварзиной – о табу, как методе воспитания, А. А. Ивановой о шаманском бубне [2, 351–355], а также с археологическими и историческими изысканиями С. В. Большова и В. С. Патрушева [3, 29–38, 39–46], интерпретацией О. А. Веденкиной экологических мотивов национального фольклора [3, 58–63], работой Н. А. Макаровой об истоках танцевального искусства мари [3, 104–

112]. За исключением сугубо исторических текстов, дающих скорее фон, социально-культурные условия возникновения тех или иных традиций, большинство докладов этой группы непосредственно посвящено описанию разнообразных проявлений традиционного как такового.

На субъективный читательский вкус выберем для характеристики этой группы докладов работу историка А. Н. Павловой, посвящённую выяснению ритуальных функций костюма в культуре финнов Поволжья. Здесь обращают на себя внимание суждения автора о национальном костюме как образе телесности, о влиянии обряда на особенности костюма, участии женского свадебного костюма в представлениях о реинкарнации души умершего, важности самостоятельного изготовления его для себя, «т. к. чужая вещь лишена множества символических функций» [1, 41].

Основательному анализу подвергнут и погребальный костюм. Автор отмечает культурную и социальную роли костюма, идентифицирующие человека, его место в мире, социальную роль (костюм – «социальная кожа»).

А. Н. Павлова убедительно говорит об известной амбивалентности костюма свадебного и костюма погребального – и тот и другой используются в переходные для жизни человека моменты. Первый в период расцвета сил, когда девушка из одного состояния переходит в другое, второй, когда человек переходит из земного мира в мир потусторонний.

Приведём здесь и ещё одно, заключительное суждение историка: «Древний костюм волжских финнов представлял собой развёрнутую картину мира, воспроизводил космологические представления <...>. Строй костюма, символические коды, использовавшиеся при его создании, преобразовывали человеческое тело, которое из природного превращалось в культурное, становилось частью сакрального пространства, органично включалось в космический порядок» [1, 41].

Авторы другой значительной группы докладов размышляли о преемственности между прошлым и современностью. Хороший доклад о возрождении традиции сдела-

ла культуролог О. Г. Беломоева. Нельзя не согласиться с учёным в том, что «простое перенесение традиции из одной эпохи в другую невозможно... Традиции сформировались в совершенно ином контексте» [4, 46].

Но тезис о лишении традиции «своего глубинного содержания» и использовании её всего лишь как элемента, декорирующего «новую ценностно-смысловую базу человеческой жизни» [4, 46], вызывает сомнения. Традиция – всего лишь декор? В оригинальной работе Глуховых традиционные ценности мари определяются как живые [3, 135–140]. Возможно, рассуждения Беломоевой касаются, прежде всего, искусства, не культуры в целом?

Традиция как декор постмодернистского хаоса, на наш взгляд, обесмысливается, а, значит, умирает. На память приходит замечательный фильм «Табу. Последний шаман», снятый этнографами ИЭ РАН на Таймыре. Женщины-нганасаны, начавшие представлять песни своего народа «на продажу», очень скоро умерли. Известно категорическое неприятие многих ханты попыток «фестивизировать» медвежьи игры, другие обряды и праздники. Винтовка, бинокль и снегоход – вот современный «декор» традиции, «украшающий»/«облегчающий» ведение традиционного северного хозяйства.

Эти новации не ломают ценностно-смысловую сферу культуры. Тогда как, скажем, профессионально выполненные декоративные украшения, маркируют не традицию, а лишь представление о ней, представление, которое может быть вполне себе современным, с традицией связанным очень косвенно. На наш взгляд, удачно показала разницу между опорой на традицию и использованием её в образовательном процессе А. Н. Погорелова [1, 208–212]. Ничто не рождается на пустом месте, без освоения прежнего опыта.

Большая группа докладов на Йошкар-Олинских конференциях была посвящена вопросам популяризации культурных традиций мари. В первых двух сборниках это вторая секция, связанная с вопросами образования, четвёртая и пятая секции, рассматривавшие соответственно работу музеев и библиотек как центров сохранения этнокультуры. В двух последних сборниках выделены

всего две главы (секции конференции), указанным вопросам отведена глава вторая.

Прочсть эти материалы стоит, прежде всего, тем государственным и муниципальным служащим, учителям и руководителям народного образования, которые прямо соприкасаются с просветительской, культурно-массовой, социальной работой в национальных районах. Обращают на себя внимание работы И. Ю. Леонтьевой о нравственном воспитании дошкольников [1, 179–188], М. Ю. Клюкиной об этнохудожественном воспитании младших школьников [1, 191–194], Ж. Г. Веткиной, М. В. Глезер и Э. И. Никитиной – о возрождении традиционной марийской вышивки и современном использовании элементов традиционного костюма [1, 228–236; 4, 349–354] и др.

Своеобразным общим знаменателем суждений о возрождении, развитии традиционной культуры народа мари выступает идея этнофутуризма, как универсального метода сохранения традиции в развивающемся мире. Этой теме посвятила свой доклад культуролог М. С. Уколова, определившая этнофутуризм как мировоззрение и выделившая два аспекта его проявления – это художественное творчество и идеология. Базирование на этнической культурной основе позволяет считать этнофутуризм орудием сохранения этнической идентичности, а футуристическая ориентация делает традицию современной [2, 320–327].

В этой связи имеет смысл вновь вернуться к работе А. Н. Погореловой, которая, опираясь на идеи М. А. Некрасовой, различает понятия наследия и традиции, понимая последнюю, как «снятое» первое: «Наследие – всё искусство прошлого. В традицию же переходит всё то, что имеет непреходящую ценность» [1, 211]. В то же время, Погорелова высказывает ряд суждений, вызывающих желание поспорить. Можно согласиться с посылкой: механическое владение техникой и повторение по инерции заученного ведёт к вырождению искусства, но отсюда отнюдь не следует, что «залог жизненности и успехов» народных промыслов в «творческом развитии местного искусства», то есть в

отказе от традиции в пользу новаций [1, 211]. Не понятен и пафос автора: «Формальное следование приёмам искусства народных промыслов неминуемо ведёт к стилизации, внешнему подражанию, штампу, вырождению, к тому псевдонародному стилю, который нередко возрождается сейчас любителями народных сувениров» [1, 212]. Как нам кажется, стилизацией занимаются как раз «импровизаторы», плодами труда которых являются «русские лапти» и «матрёшки» для иностранных туристов. Отказ от канонов порождается нежеланием знать истоки, нигилистическим отношением к ним. И приводит как раз к тому, о чём в другом месте своего доклада говорила М. С. Уколова: «Вне утилитарности изделия промыслов могут превратиться, а подчас и превращаются, в некие безделушки» [2, 325]. В современной живописи так, видимо, появляются произведения, в которых достаточно лишь встраивания «современного гламура» в «исторически воображаемое пространство», «сдержанного психологизма» и «отчетливой драматизации переживаемого времени» [4, 129], чтобы получить искомую ревитализацию. Всё это, как нам кажется, больше похоже на «культурные успехи» глобализации.

Йошкар-Олинские сборники научных трудов «Проблемы ревитализации» представляются в высшей степени интересными для северных финно-угров. Не о культурном ли будущем наших северных народов идёт здесь речь? Как сохранить культуру, не в качестве рудимента, но развивающейся традиции? [5, 6–7].

Очевидно, что ответов на эти вопросы может быть много. А мы ограничимся одним, нам глубоко симпатичным. Это ответ Л. М. Баскина: «Как оказалось, псевдокультура национальных ансамблей песни и пляски не может заменить культуру, рожденную кочевьем, управлением стадами оленей, обучением ездовых оленей. Не только государство и научные работники, но и сами аборигены убедились в быстрой потере ими как культуры, так и национальной идентификации после утраты оленеводства» [6, 38].

Литература

1. Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья [Текст] // Сб. материалов Межд. науч.-практ. конф. (9–10 ноября 2007 г.). – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2008. – 399 с.
2. Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья [Текст] // Сб. материалов II Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием. – Вып. 2. – Йошкар-Ола : [б. и.], 2009. – 403 с.
3. Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья [Текст] // Сб. материалов V Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием. – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2012. – 220 с.
4. Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья [Текст] // Сб. статей VI–VII Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием. – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2014. – 383 с.
5. Головнёв, А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) [Текст] / А. В. Головнёв // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 3–18.
6. Баскин, Л. М. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства [Текст] / Л. М. Баскин // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 28–44.

References

1. *Problemy revitalizacii tradicionnoj kul'tury narodov Volgo-Kam'ja. Sb. materialov Mezhd. nauch.-prakt. konf. (9–10 nojabrja 2007 g.)* [The problems of revitalization of traditional culture of peoples of Volga-Kama. Proceedings of the International scientific.-pract. conf. (November 9–10, 2007)]. Yoshkar-Ola, 2008, 399 p. (In Russian).
2. *Problemy revitalizacii tradicionnoj kul'tury narodov Volgo-Kam'ja. Sb. materialov II Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. s mezhd. uchastiem* [The problems of revitalization of traditional culture of peoples of Volga-Kama. Proceedings of the II all-Russian scientific.-pract. conf. with international participation]. Yoshkar-Ola, 2009, vol. 2, 403 p. (In Russian).
3. *Problemy revitalizacii tradicionnoj kul'tury narodov Volgo-Kam'ja. Sb. materialov V Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. s mezhd. uchastiem* [The problems of revitalization of traditional culture of peoples of Volga-Kama. Proceedings of the V all-Russian scientific.-pract. conf. with international participation]. Yoshkar-Ola, 2012, 220 p. (In Russian).
4. *Problemy revitalizacii tradicionnoj kul'tury narodov Volgo-Kam'ja. Sb. materialov VI-VII Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. s mezhd. uchastiem* [The problems of revitalization of traditional culture of peoples of Volga-Kama. Proceedings of the VI-VII all-Russian scientific.-pract. conf. with international participation]. Yoshkar-Ola, 2014, 383 p.
5. *Golovnjov A. V. Jetnichnost': ustojchivost' i izmenchivost' (opyt Severa)* [Ethnicity: stability and variability (the experience of the North)]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2012, no. 2, pp. 3–18.
6. *Baskin L. M. Sovremennoe olenevodstvo v Rossii: sostojanie, mobil'nost', prava sobstvennosti, paternalizm gosudarstva* [Modern reindeer in Russia: status, mobility, property rights, paternalism of the state]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2016, no. 2, pp. 28–44.